

Где уж тут найти какое-то окончательное решение, Ланс и вправду слишком наивен.

Даже если применить самый радикальный способ маркировки, надолго этого не хватит. К тому же они, животные, совсем не похожи на людей. Люди, быть может, и справятся с задачей за один раз, но с животными всё куда сложнее.

Одного раза точно не хватит. У некоторых животных период гона длится от одного до двух месяцев. А у лошадей он растягивается на целый цикл, который занимает около семи дней. Это значит, что ему пришлось бы метить Ланса целую неделю без перерыва, чтобы добиться успеха.

Дилун был готов и внутренне уже настроился. В конце концов, он стал взрослым в четыре с половиной года и всё это время жил один. Он не был племенным жеребцом, а Валлер регулярно давал ему подавители, так что мучиться от приступов гона ему не приходилось. Сейчас Дилуну восемь, он на три с половиной года старше Ланса, и с его стороны проблем не было.

Проблема была в Лансе. Дилун боялся, что тот не вынесет такой боли, поэтому решил дожидаться, пока Батизэр заметит состояние коня и даст ему лекарство. Совесть Дилуна была неспокойна: обманывать такого простодушного коня, как Ланс, ему было противно.

Поэтому Дилун решил сказать правду:

— Прости, Ланс, я тебя обманул. На самом деле никакой постоянной маркировки не существует. Она лишь временно отсрочит период гона — возможно, если мы закончим сейчас, ты не будешь испытывать этого в течение года.

Разумеется, условие о возможной беременности Дилун умолчал. Если жеребенок не зародится, то спустя короткое время Ланса снова накроет, и так будет продолжаться, пока он не понесет.

Наивный Е Чжэнь, который совсем не разбирался в мире Омегаверс, верил каждому слову Дилуна. И теперь, когда тот так терпеливо объяснял ему тонкости маркировки, доверие Е Чжэня стало только крепче. Он потерял о красивую шею Ланса — железа всё еще не скрылась и продолжала источать аромат цветов, от которого у жеребца кружилась голова. Даже феромоны Ланса пахли именно так, как нравилось Дилуну, неудивительно, что он так быстро потерял голову.

Он снова прикусил железу Ланса и впрыснул свои феромоны. Лансу стало заметно лучше. Смесь боли и странного, необычного ощущения — Е Чжэнь не мог подобрать слов, но чувствовал, что внутреннее беспокойство немного отступило.

Дилун всё же не решился на другой вид маркировки. Укусив железу, он прижался к голове Ланса и заговорил:

— Я не хочу, чтобы ты жалел об этом, и не хочу метить тебя просто как друг. Ланс, ты должен полюбить меня, чтобы я мог тебя пометить. Я сделал тебе временную метку, подождем, пока Батизэр проснется и даст тебе подавители.

Ланс обернулся и потерся о него:

— Дилун, почему ты такой добрый? На самом деле, ты мне очень нравишься. Я позволяю так обращаться с собой только тебе, разве нет?

Сердце Дилуна забилося чаще:

— Но мне нужно не то, как ты относишься к другу. Я хочу, чтобы ты видел во мне вторую половинку. Ты понимаешь, что это значит?

Ланс перестал тереться:

— Дилун, ты же говорил, что мы просто хорошие друзья. Ты что, тоже хочешь того же, что и остальные?

Дилун промолчал. Ланс добавил:

— Я доверяю тебе только потому, что считаю другом. Если ты станешь таким же, как они, я перестану тебя любить.

Дилун:

— ...

Ланс боднул его в шею:

— Мы ведь лучшие друзья, правда?

Голос Дилуна прозвучал глухо:

— Правда.

— Вот именно, — сказал Ланс. — Они все хотят, чтобы я принес потомство, и только ты — нет. Поэтому я и доверился тебе в вопросе маркировки.

Дилун:

— ...Ох, Ланс, всё не так. Если я тебя помечу, ты тоже забеременеешь. Если у меня не получится тебя оплодотворить, значит, я никудышный жеребец.

Но объяснять это он не стал.

Ланс спросил:

— Разве не так?

Дилун кашлянул:

— Кхм, да, именно так.

Наивный Ланс решил, что он очень догадлив, и убедился в правильности своих суждений. Поэтому он снова пригласил:

— Дилун, я готов.

Уже в третий раз. Если бы Дилун остался равнодушным и сейчас, он бы по-настоящему предал Ланса. Поэтому он принял решение. Но всё вышло не так, как хотелось — реальность оказалась куда сложнее, чем он предполагал. Не успел он начать, как Ланс заплакал.

Е Чжэнь, видя, что Дилун остановился, почувствовал, что боль в шее утихла, и удивился, но спрашивать ничего не стал. Дилун трижды ставил временную метку, прежде чем железа Ланса наконец успокоилась и скрылась. Если бы сейчас зажгли свет, было бы видно, что тело Ланса покрыто ярким золотисто-розовым оттенком — уникальным цветом ахалтекинской лошади.

Но этот благородный конь, изнеженный жизнью в поместье, был слишком слаб, чтобы справляться с собой самостоятельно. Дилун это прекрасно понимал.

Наконец наступил рассвет. Батиэр пришел проведать Ланса и Дилуна и, увидев, что всё в порядке, велел слугам насыпать свежего корма, а в полдень вывести их погреться на солнце. Дилун хотел сказать Батиэру, что у Ланса гон, но тот не понимал его языка, и пришлось отступить.

Ланс спросил Дилуна:

— А уколы подавителей — это больно?

Дилун ответил:

— Конечно, больно. А если в период гона тебя не пометит породистый альфа, придется колоть по несколько раз в день.

Е Чжэнь испугался. Он больше всего на свете ненавидел уколы. В детстве в приюте, стоило ему простудиться, приходил врач, и воспоминания об этих процедурах были настолько яркими, что он старался не болеть, а если и заболел — притворялся здоровым, пока болезнь не становилась очевидной. Он помнил, как однажды, когда он скрыл высокую температуру, ему пришлось делать уколы целую неделю, и всё это время ему было трудно даже просто сидеть. Поэтому для Е Чжэня слово укол было страшнее любого зверя.

Позже, после восьми лет, когда его отправили на остров тренироваться на укротителя, он избавился от участи делать уколы при простуде, но окунулся в смертельную борьбу за выживание. Удивительно, как он, будучи таким человеком, смог выжить в столь жестокой среде.

Дилун, чье сердце было беспокойно из-за состояния Ланса, мог лишь тереться о его красивую шерсть.

— Всё из-за тебя. Соблазнил и не хочешь отвечать за последствия. Теперь я не знаю, что с тобой делать.

— Я тебя не соблазнял, Дилун. Я совсем не такой.

Дилун не ответил, думая про себя: Ты соблазняешь, даже не осознавая этого.

Такое беспечное искушение было для него самым тяжелым испытанием. Если бы Ланс делал это намеренно, он мог бы сдержаться, но Ланс просто не понимал, что творит. Он совершал с ним такие вещи, сохраняя при этом невинный и простодушный вид. Ланс действительно ничего не понимал — он даже не знал, что такое омега.

Дилун думал, что этому парню еще повезло попасть в его руки, иначе что бы с ним стало при такой наивности? На самом деле, даже если бы Ланс не встретил Дилуна, он бы всю жизнь оставался зеницей ока Батизэра. Кроме смены разных альф в период гона, он бы не знал никаких бед. Его предназначением было быть изнеженным, рожать жеребят от элитных коней и помогать Батизэру отбирать лучших скакунов, чтобы тешить его страсть к коллекционированию.

Е Чжэнь не знал, о чем думает Дилун. Когда тот терся о него, он отвечал тем же. После нескольких попыток Дилун прикусил его, и Е Чжэнь вскрикнул от боли:

— Дилун, не кусай меня.

Голос Дилуна был низким и спокойным:

— Ланс, давай продолжим маркировку сегодня вечером. В конце концов, у нас получится.

Простодушный ахалтекинец почувствовал, как сердце наполнилось теплом. Он подумал: Дилун так заботится о нем, всё еще переживает, что его так и не пометили.

— Дилун, ты такой хороший.

— Только для тебя.

— А что ты будешь делать, когда у тебя появится вторая половинка?

— Мне не нужна вторая половинка. Я хочу быть твоим хорошим другом.

— Это... не мешает тебе?

— Совсем нет. Я очень рад, мой маленький Ланс.

Обожание Дилуна было очевидным, и Е Чжэнь поверил. В этом мире нет коня лучше, чем Дилун. Они обязательно станут лучшими друзьями.

— Дилун, ты знаешь, что такое любовь?

— Не знаю. Я знаю только, что наша с тобой дружба очень крепка.

— Как совпало, я тоже не знаю. Я знаю только дружбу.

— Значит, у нас с тобой отличная дружба.

— Угу.

Не просто лучшая дружба в мире, думал Дилун. Я стану тем самым элитным конем, которого ты полюбишь больше всех, и в этой жизни у тебя буду только я в качестве альфы. Мало того, ты родишь моих жеребят и станешь моей женой. Такую дружбу мы сохраним на всю жизнь.

— Ланс, ты очень красивый.

— Дилун тоже неплох, очень статный.

— И еще очень милый.

— Хи-хи, не хвали меня так.

— Буду хвалить. Только тебя.

Этот день тянулся бесконечно долго. Дилун был благодарен Лансу за то, что тот выпускал феромоны по ночам. Прошлой ночью он трижды ставил временную метку, которой хватило на один день, но глубокой ночью Лансу снова стало плохо.

Дилун знал, что пришло время действовать. Он понимал, что это единственный шанс, и если его упустить, больше такой возможности не представится. Однако мечты — это одно, а реальность оказалась куда суровее. Дилун снова потерпел неудачу, но не потому, что был неспособен, а потому что Ланс начинал плакать.

Он всё еще слишком сильно дорожил чувствами Ланса, и стоило тому почувствовать дискомфорт, как Дилун останавливался. Он долго утешал Ланса, и когда тот наконец успокоился, снова поставил временную метку.

Ланс лежал у кормушки, и в его голосе, когда он говорил, слышались слезы:

— Дилун, почему быть конем так трудно? Почему жизнь животного должна быть такой тяжелой? Это ужасно, я не хочу больше быть конем.

— Ох, Ланс, если бы можно было выбирать, кто бы захотел быть конем? Но ничего не поделаешь, такова наша судьба.

— Я не люблю такую жизнь. Рано или поздно я сбегу.

— Ты не сможешь сбежать. Батизэр тебя не отпустит. К тому же, даже если сбежишь, ты не скроешься от этого периода, это лишь подвергнет тебя опасности.

Слова Дилуна пробили последнюю линию обороны Е Чжэня.

— У-у-у, быть конем так сложно, так сложно... Кто-нибудь, спасите меня!

— Ланс, не плачь. Разве я не рядом? Не бойся, я не дам тебя в обиду.

— У-у-у, Дилун, хорошо, что ты есть. У-у-у.

Что бы он делал без Дилуна? Ему казалось, что он совсем не выживет. Эти два дня пыток вселили в него страх, что он в любой момент может отдать концы. Если бы можно было умереть сразу — это было бы даже лучше, тогда не пришлось бы терпеть эти мучения. Но самое страшное было то, что быстро умереть не получится.

Страх, который он испытал, когда его, еще молодого укротителя, растерзали зомби, еще не угас, а теперь навалилось это. Е Чжэнь лишь мог констатировать: жить — это чертовски трудно.

<http://bllate.org/book/22194/2312932>